

“We did not Send You There”: Media Representations of the War in Afghanistan and the Emergence and Practice of Cancel Culture in Post-Soviet Russia

Daniil A. Anikin (a) & Roman Yu. Batishchev (b)

(a) Tomsk State University; Moscow State University. Tomsk, Moscow, Russia. Email: [dandee\[at\]list.ru](mailto:dandee[at]list.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

(b) Tomsk State University. Tomsk, Russia. Email: [romanbatishhev\[at\]rambler.ru](mailto:romanbatishhev[at]rambler.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>

Received: 10 September 2023 | Revised: 2 October 2023 | Accepted: 16 October 2023

Abstract

The article is devoted to the problem of transformation of historical memory in the context of digitalization. The aim of the article is to make a critical analysis of the “cancel culture” as one of the tools for the formation and transmission of historical identity in digital space and beyond. The new media space from where the phenomenon of cancel culture originated is chosen as the research field. The objective of the article is then to bring the conceptual subjects of memory studies and media theory closer together.

New media differ significantly from traditional media, and these differences determine the change in discursive rules and consequently imply a reorganization of the discursive space. The vertical paternalistic structure of discourse gives way to a horizontal rhizomatic structure, while the rigid author-reader opposition breaks down. The change in discursive rules entails a change of discursive practices. The changes affect not only discursive but also social space, including the space of historical memory. The digitalization of the past entails new forms of memory existence. At the same time, some traditional functions, such as identity formation, are preserved.

New media becomes a platform for identity formation, providing opportunities for the construction and constant reassembly of identities. The article considers “cancel culture” as a marker of this reassembly. It is viewed both as a mode of manifestation and as a source of identity. The critical analysis highlights both the negative and positive characteristics of the phenomenon, explaining its paradoxicality and regularity in the new reality.

Keywords

Cancel Culture; Memory Studies; Digital Memory Studies; Media Theory; New Media; Media Memory; Identity; Digital Identity; Discourse; Discursive Practices

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«Мы вас туда не посылали»: медиапредставления войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России

Аникин Даниил Александрович (а), Батищев Роман Юрьевич (б)

(а) Томский государственный университет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Томск, Москва, Россия. Email: [dandee\[at\]list.ru](mailto:dandee[at]list.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

(б) Томский государственный университет. Томск, Россия. Email: [romanbatishhev\[at\]rambler.ru](mailto:romanbatishhev[at]rambler.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>

Рукопись получена: 10 сентября 2023 | Пересмотрена: 2 октября 2023 | Принята: 16 октября 2023

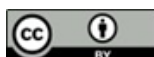
Аннотация

В статье анализируется феномен культуры отмены на примере трансформации медиапредставлений об Афганской войне в современном российском кинематографе. Под культурой отмены понимается феномен публичного осуждения определенных исторических событий, характеризующийся доминированием моральных оценок, а также активным использованием средств массовой информации в качестве способов формирования и поддержания заявленной позиции. При этом культура отмены может выступать инструментом реализации определенных политических интересов, зачастую не имеющих прямого отношения к самому предмету «канселлинга».

Двойственность отношения к Афганской войне как к «негероическому конфликту» привела в 90-е годы к формированию образа участника войны как жертвы, что отразилось в целом ряде художественных и документальных фильмов. Причиной этого стоит считать политический контекст, который предполагал формирование негативного отношения к предшествующей политической элите и восприятие ее действий как непрофессиональных или ошибочных. Но уже в 2000-е коммеморативная модель сменяется на героизацию участников войны и подчеркнуто нейтральное отношение к ее причинам, что отражается на скандале вокруг фильма П. Лунгина «Братство». Таким образом, культура отмены по поводу Афганской войны подвергается существенной деформации, способствуя возвращению данного события в позитивный исторический дискурс.

Ключевые слова

культура отмены; историческая память; историческое забвение; медиа; публичное пространство; война; локальный конфликт; герой; жертва; дискурс

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons "Attribution"](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение. Культура отмены как предмет Memory Studies

Понятие «культура отмены» за несколько последних лет обросло солидным набором смыслов, от культурных до политических, однако вопрос социально-философской концептуализации данного понятия еще остается насущным, требуя выбора определенного понятийного ряда и методологии исследования. Вопреки расхожим представлениям относительно того, что культура отмены является продуктом социально-политических процессов последних лет, многие исследователи указывают, что подобная форма публичного осуждения имеет давнюю традицию в истории человечества – от афинского остракизма до профсоюзных бойкотов в начале XX века (Ng, 2022, p. 15; Olusoga, 2021). Это обстоятельство заставляет *post factum* обращать пристальное внимание на те проявления культуры отмены, которые еще не могли быть осмыслены в подобном ракурсе (в силу отсутствия самого понятия и сфокусированного научного интереса к его исследованию), но уже позволяют выявить универсальный характер данного явления в контексте динамики форм исторической памяти и исторического забвения.

Теоретическими основаниями исследованиями культуры отмены в контексте исследований исторической памяти являются работы, П. Рикера, П. Коннертона и А. Ассман. Заслуга П. Рикера заключается в осмыслении важности забвения как неотъемлемого элемента исторической памяти, позволяющего не только высвободить место под сохранение новых воспоминаний, но и проводить осознанную селекцию имеющихся образов прошлого с целью общественного или политического исключения (Ricoeur, 2004, p. 18–22).

П. Коннертон провел большую работу по типологизации различных форм забвения и забывания, сформулировав важную дихотомию между забыванием как политическим жестом, направленным на стирание тех событий прошлого, которые могут поставить под сомнение легитимность существующего порядка, и забыванием как общественным консенсусом, реализующим коллективную потребность в освобождении от власти от прошлого (Connerton, 2009, p. 32–34). Несмотря на кажущуюся ясность данного противопоставления и наличие конкретных исторических примеров каждого из типов, проблема, поставленная Коннертоном, остается крайне актуальной, поскольку точное различение политического заказа и общественного запроса в случае с формированием и использованием образов прошлого представляется крайне сложной задачей, требующей учета всех контекстов.

Важную роль в концептуализации исторического забвения играет А. Ассман, поскольку предложенная ей система ролей в рамках исторических нарративов (герой, жертва, виновник) позволяет структурировать конкретную конфигурацию образов прошлого, а также проследить ее динамику. Применительно к проблеме исторического забвения она отмечает, что имеет смысл различать забвение как милость и забвение как наказание (Ассман, 2014, с. 159).

В первом случае можно говорить о том, что отсутствие обращения к прошлому становится залогом излечения коллективных травм, способом нахождения консенсуса между различными сообществами, исторически вовлеченными в конфликтное взаимодействие. Во втором случае забвение выступает инструментом «сведения счетов», когда отказ от определенных образов прошлого рассматривается не просто в контексте реализации интересов определенных сообществ, а как глобальный моральный императив, отсылающий к восстановлению исторической справедливости. Нетрудно заметить, что концептуализация «культуры отмены» связана именно с ее восприятием в качестве специфической формы исторического забвения, напрямую связанной с процессами трансформации коллективной идентичности (Velasco, 2020; McGrady, 2021).

Н. Финкельштейн справедливо связывает проявления культуры отмены с реализацией политики идентичности, поскольку моральное требование об исключении тех или иных персонажей из коллективной истории является способом добиться символического перераспределения образов прошлого в пользу того или иного сообщества (Finkelstein, 2023, p. 11–12). Таким образом, культуру отмены можно рассматривать в качестве одной из форм исторического забвения как инструмента реализации коллективных интересов и представлений посредством формирования или конфигурирования образов прошлого. Но сама по себе такая констатация еще не может являться основанием для исследования, требуя формирования конкретного набора признаков, позволяющих в совокупности говорить о том, что определенное изменение отношения к прошлому может рассматриваться именно как культура отмены.

Во-первых, культура отмены всегда связана с публичной манифестацией требования об изменении отношения к прошлому, что позволяет связать ее возникновение (или, по крайней мере, наиболее наглядные проявления) с появлением средств массовой информации, а также плюрализацией информационного поля. Изменения в структуре публичного пространства позволяют отдельным сообществам выступать в роли мнемонических акторов, формируя и транслируя собственную повестку. Принципиально важно, что в роли инициаторов культуры отмены выступают не какие-либо официальные институции, а исключительно общественные организации или отдельные лидеры общественного мнения.

Во-вторых, важным элементом публичного осуждения является его моральный характер. Несмотря на то, что зачастую индивидуальная культура отмены апеллирует к конкретным проступкам, которые могут иметь юридическое содержание, основной задачей остается не наказание, а покаяние.

В-третьих, существенным фактором культуры отмены является ее анти-историзм или презентизм. Подвергая моральной оценке или переоценке действия отдельных исторических персонажей или целых сообществ, инициаторы культуры отмены исходят из той системы моральных норм, которая существует в настоящее время, что существенно затрудняет процесс оправ-

дания непосредственных виновников или участником произошедших событий. При этом очень важно, что зона ответственности за последствия совершенных действий распространяется не только на непосредственных участников, но и на всех обладателей коллективной идентичности. По сути, происходит коллективная стигматизация, когда критерием оценки становится не поведение конкретного индивида, а сама его принадлежность к определенному сообществу.

Все указанные свойства отчетливо проявляются в ситуациях выстраивания коммеморативных практик по поводу локальных конфликтов, часто именующихся «негероическими войнами». Многообразие подобных ситуаций («вьетнамский синдром», «афганский синдром», «чеченский синдром») только подчеркивает определенное сходство, заключающееся в формировании публичного запроса на негативизацию самого конфликта при сохранении снисходительно-доброжелательного отношения к его непосредственным участникам. Травматическое несоответствие публичной негативной репрезентации локального конфликта с индивидуальным опытом участника приводит к смещению акцентов в восприятии его фигуры от героя к жертве. При этом жертвенность приобретает двойственный характер, потому что в медиадискурсе подразумевается, хоть и не всегда напрямую проговаривается, ответственность за данный опыт как непосредственных противников по ту сторону фронта, так и виновников развязывания конфликта («хорошие солдаты» – «плохие чиновники/командиры»).

«Негероический конфликт»: память о войне в Афганистане в 90-ые годы

Практики культуры отмены, которые можно проследить в отношении памяти об Афганской войне в России в конце 1980-х – начале 1990-х годов, находят корреляцию с другими особенностями политического и мемориального контекста, свойственного рассматриваемому периоду и рассматриваемым событиям прошлого.

Говоря об образах военного прошлого, нельзя не отметить и общую как для стран запада, так и для России проблему концептуализации современных войн (Danilova, 2015, p. 83). Политические и юридические сложности в обосновании причин и легитимности современных войн (в отличие от классических войн прошлого, которые разворачивались, при многочисленных эксцессах, по понятной логике, имели конкретного осязаемого врага и касались непосредственно больших масс населения), серьёзное расхождение между декларируемыми идеологическими ориентирами (для запада – дискурс о правах человека и теория демократического мира) и подчас шокирующими общественностью практиками (многочисленные нарушения прав человека в зонах локальных конфликтов) накладываются на общий упадок героико-патриотических нарративов, на переход общества из стадии героического в постгероиче-

ское (Reddy, Andrews, 2021). В такой ситуации в качестве стратегии репрезентации памяти о таких войнах может служить деполитизация и деконтекстуализация памяти, при которой применяется определённое умалчивание причин и природы войны, а акцент делается, к примеру, на преемственности воинской доблести военнослужащих. Интересно, что применительно к Афганской войне такой стратегией пользовались официальные советские печатные органы первой половины – середины 1980-х годов, рассказывая о подвигах военнослужащих ОКСВ в Афганистане и выстраивая символический «мостик» к подвигам советских солдат в годы Великой Отечественной войны (Сивов, 2018). Та же стратегия деполитизации и деконтекстуализации в целом просматривается и в большинстве военных коммемораций, посвящённых войне в Афганистане, в постсоветской России (Рождественская, Тартаковская, 2011, с. 103). Однако попытки давать публичную оценку причинам войны неизбежно перетекают в символическую борьбу за право относить конкретные случаи применения вооружённой силы к легитимным или нелегитимным, тем самым формируя пространство для применения практик культуры отмены.

Нельзя не отметить и влияние общего политико-идеологического контекста эпохи, смены идеологических ориентиров. Культура отмены как механизм публичной негативной оценки, в том числе, событий прошлого часто трактуется как специфический инструмент западного либерально-глобалистского дискурса, в чьи символические рамки пыталась вписаться и Россия в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Культура отмены апеллирует к таким ценностным и методологическим установкам либеральной эпистемы, как универсализм (с ярко выраженным экспансионизмом), прагматизм и конвенционализм как критерии истины, разрыв с историзмом, что наиболее ярко демонстрируется в концепте попперовского «открытого общества» (Чугров, 2022, с. 88–91). Следовательно, возможен радикальный пересмотр исторических событий, оцениваемых с позиции современности, для достижения удобных современным людям и этически «правильных» целей, имеющих глобальное значение. Поэтому вполне логично, что наиболее резкие оценки и наиболее жёсткие практики «культуры отмены» по отношению к памяти об Афганской войне осуществлялись наиболее радикальными сторонниками либеральных реформ.

Культура отмены также вписывается в рамки концепции космополитической политики памяти, выступающей частью политического проекта Евросоюза (Bull, Hansen, 2016). В космополитической памяти, концентрированной на поддержании консенсуса вокруг интернациональных жертв прошлого (имеются в виду, прежде всего, жертвы Холокоста), происходит дистанцирование от тематики войны как способной нарушить этот хрупкий консенсус (Батищев, 2021). Дистанцирование от образов войны в рамках этого модуса памяти путём некоторого умалчивания, своеобразной отмены неудобных фрагментов памяти помогает снять остроту проблемных вопросов, например,

таких как «синдром Виши», поддержать наднациональную идентичность (Mishan, 2020). Фигура жертвы же здесь приобретает характер универсальной метафоры, которую также можно использовать, уже применяя механизмы культуры отмены – для дискредитации геополитических оппонентов: так, к примеру, американцы использовали символику Холокоста «как манипулятивную метафору для описания боснийского и косовского кризисов (сербы уравниваются с нацистами) и легитимации собственного вмешательства» (Пахалюк, 2017, с. 21).

В мемориальных практиках, посвящённых Афганской войне, можно выделить особое направление военных коммемораций, которое связано с представлением ветеранов этой войны как мучеников (в околорелигиозном или религиозном дискурсе). Подобные репрезентации в рассматриваемый период пришли на смену героизации образов воинов-интернационалистов (Рабуш, 2022). Безусловно, такая стратегия не является ни космополитической памятью, ни культурой отмены, поскольку никак не связана с соответствующим политическим контекстом. Генезис такой политики памяти связан скорее с возросшей ролью религиозных акторов в России и упадком советского героического военного нарратива. Однако изображение интернационалистов-мучеников, тем не менее, пытается использовать метафору жертвы как центрального образа памяти о войне, т.е. частично берёт на вооружение язык, форму космополитического модуса памяти, выхолащивая оттуда само «космополитическое» содержание (кажушаяся связь между «космополитическим» и «интернациональным» здесь скорее умозрительна). Удобство этого языка связано ещё и с тем, что и в рамках «классического» космополитизма трагичность фигуры жертвы подчёркивается бессмысленностью её гибели и бессмысленностью войны как таковой, уходом от дискуссии о причинах войны, о правых и виноватых, что очень удобно применительно и к событиям войны в Афганистане. С другой стороны, нарратив интернационалистов-мучеников выступает здесь как некая «мягкая» культура отмены, однако отменяет она не всю социальную группу воинов-афганцев и их коллективную память, а лишь героическую официозную патетику, во многом искусственно выстроенную вокруг их военного опыта советской пропагандой.

Необходимо отметить, что культура отмены по отношению к событиям этой войны никогда не была единственной и монополярной мемориальной культурой (Clark, 2020, р. 88). Такой сложный объект политики памяти, как война, обуславливает актуальность социально-акторного подхода к исследованию памяти о войнах, в рамках которого государство не рассматривается как цельный и монополярный мнемонический актор (Батищев, 2021б, с. 63). Пример памяти об Афганской войне является здесь, наоборот, довольно удачной иллюстрацией. Мемориальный дискурс вокруг этой войны отличался сложностью и разнообразием и представлял спектр подчас противоположных друг другу оценок: от критики и умолчания до героизации и поиска «патриотического консенсуса». В конечном счёте, в последние десятилетия можно наблюдать

картину, при которой государственные акторы отдают символический капитал вокруг этой войны (капитал весьма спорной «ликвидности») на откуп общественным и ветеранским организациям, примерно так же, как в 1990-е годы государство дистанцировалось и от социальной поддержки ветеранов войны в Афганистане, передавая эти задачи в ведение регионов и поощряя гражданскую активность и предпринимательскую инициативу «афганцев».

При общем дистанцировании государства от этой темы принципиально важно отметить, что импульс для реализации практик культуры отмены происходил именно со стороны государственного актора. Можно сказать, символическую рамку для последующей оценки этого события в негативном ключе задавало Постановление 2 Съезда народных депутатов СССР «О политическом и моральном осуждении решения о вводе советских войск в Афганистан» от 24 декабря 1989 года, подписанное руководителем СССР М.С. Горбачёвым (Данилова, 2005, с. 267). Именно ссылки на этот официальный документ, хоть и носивший, прежде всего, идеолого-пропагандистские цели, чаще всего используется воинами-афганцами для критики официальной государственной политики памяти по отношению к Афганской войне. С ним связывается и расхожее клише, прочно засевшее в массовом сознании – «Мы вас туда не посылали», которое лейтмотивом звучит почти в любых высказываниях ветеранов о реакции советского общества на участников этой войны. Справедливости ради отметим, что упоминание, в разных вариантах, фразы «Мы вас туда не посылали» фиксируется раньше 1989 года, а его известность обусловлена скорее медийным эффектом и тем, что уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов в средствах массовой информации звучали призывы обратить внимание на положение «афганцев» и «реабилитировать» их в глазах общественности (Кинсбургский, Топалов, 1992, с. 104). Резкая критика в адрес советских военнослужащих, выполнявших боевые задачи в Афганистане, содержалась и ранее в открытых письмах диссидента А. Д. Сахарова (Данилова, 2005, с. 268). Тем не менее, в этой ситуации важно то, что данное постановление Съезда народных депутатов является и по настоящий день официальной моральной оценкой этого конфликта со стороны государства. Последующие шаги государства в области социального обеспечения ветеранов Афганской войны, придания им статуса «ветерана» (что несколько повышало символическую значимость этой категории военнослужащих), установления 15 февраля как дня памяти воина-интернационалиста сами ветераны Афганской войны полагают недостаточными. К слову, широкая кампания по пересмотру скандального постановления советских нардепов, которая была приурочена к 30-летию вывода советских войск из Афганистана, не привела ни к каким формально-юридическим результатам.

Значительную роль в негативной оценке событий Афганской войны сыграли и кинофильмы, посвящённые этому конфликту и выпускавшиеся со второй половине 1980-х годов («Нога», «Афганский излом», «Груз 300», доку-

ментальный фильм «По линии жизни...»). Нельзя сказать, что в этих фильмах дискредитировались все воины-афганцы и им давалась однозначно негативная оценка, однако присутствие сюжетов, показывавших нелицеприятные стороны боевых действий (воровство, дедовщина, преступные приказы руководства), дополняло картину бессмысленной и ошибочной войны, сформированную соответствующими политическими оценками.

Следует оговориться, что в случае с медиатизированными образами афганской войны нельзя говорить в чистом виде о той культуре отмены, примеры которой проявились в 2000-е годы. Речь не шла об остракизме по поводу конкретных участников войны, а, скорее, об определенной форме публичной оценки, которая предполагала нарочитый отказ от героизации тех событий, участниками которых являлись сами «афганцы». Индивидуальный опыт участия в боевых действиях хотя и находил отражение в социальной политике государства (признание статуса «ветеран боевых действий»), но не формировал устойчивой конструкции, позволявшей использовать данный опыт в качестве символического капитала (Norris, 2020). Кинематограф первой половины 90-х годов отчетливо зафиксировал определенный общественный консенсус по поводу двойственного отношения к недавно завершившейся войне – либо негативного, либо исключаящего данное событие из публичного дискурса. Показательно, что этот консенсус включил в себя не только разрозненных участников боевых действий, но и формирующиеся институциональные структуры, выстроив логику жертвенного нарратива по отношению к непосредственным участникам Афганской войны.

Между жертвенностью и героизмом: смена коммеморативной модели в 2000-ые годы

Одной из ключевых проблем в мемориализации Афганской войны, вышедшей на первый план в начале 2000-х годов, стал вопрос о необходимости/случайности/вынужденности ввода советских войск. Сам по себе этот вопрос был поставлен уже в 90-ые годы, прежде всего, в мемуарах и воспоминаниях представителей военной, политической и дипломатической элиты позднего советского времени, но до поры до времени оставался предметом лишь историографических споров.

Пестрота и противоречивость оценок этого конфликта даже со стороны одного актора – государства – хорошо видны на примере ведомственных интерпретаций. В 1990-е выходили в свет мемуары представителей военно-политического руководства СССР, имевших непосредственное отношение к боевым действиям в Афганистане: воспоминания Председателя КГБ В. А. Крючкова, руководителя разведки КГБ Л. В. Шебаршина, начальника группы управления Министерства обороны СССР в Афганистане В. И. Вареникова, командующего 40-й армии (де-факто командующий ОКСВ) Б. В. Громова. Помимо межведомственных противоречий (военные обвиняли

руководство КГБ в развязывании этой войны, руководство КГБ обвиняло военных в неспособности выполнить поставленные боевые задачи, военные говорили о невозможности выполнить эти задачи и т.д.), в ведомственных интерпретациях звучат достаточно резкие оценки отдельных аспектов войны, которые давались и в «оппозиционной» демократической прессе: отсутствие согласия по поводу решения о вводе войск, крайне смутные представления о конечных итогах пребывания ОКСВ на территории страны, признание ошибочности решения о вводе войск, отсутствие внятной стратегии, оторванность советского руководства от реалий войны, неоправданные жертвы, констатация политического поражения СССР (Сафранчук, Казанцев, Махмудов, 2020, с. 399-400).

Однако уже в 2000-е годы происходит формирование консолидирующей ведомства «патриотической интерпретации», где на первое место выходит геополитическая необходимость участия СССР в этой войне и доблесть советских солдат (от акцента на политическом поражении к акценту на военной победе). Формирование патриотического консенсуса в ведомственных интерпретациях произошло под влиянием ряда факторов: общей смены идеологического курса и политики памяти в России, обострения геополитического противостояния России и запада к концу 2000-х годов, попыткой включить конфликт в Афганистане в общий сюжет борьбы с исламским радикализмом (наряду с гражданской войной в Таджикистане и Чеченскими войнами).

Большой интерес в этом смысле вызывает ситуация с двумя фильмами этого времени, посвященными Афганской войне – «Девятая рота» Ф. Бондарчука (2005) и «Братство» П. Лунгина (2019). Ради справедливости надо сказать, что в эти же годы появляется несколько сериалов, в той или иной степени затрагивающих войну в Афганистане – «Операция «Мухаббат» (2017), «Крепость Бадабер» (2018), которые, однако, прошли относительно незамеченными с точки зрения общественного интереса.

Ситуация первой половины 90-х годов, когда тематика Афганской войны достаточно активно присутствовала в медиапространстве, прежде всего, в кинематографе, сменилась достаточно спорадическими проявлениями мемориальной культуры, связанными с очередными годовщинами вывода советских войск. В этом контексте малое количество художественных фильмов, обращающихся к тематике войны в Афганистане, само по себе уже показательно с точки зрения интереса к тем событиям в контексте новых экономических, культурных и геополитических реалий. Но тем важнее оказываются те тенденции, которые можно выявить как непосредственно в самих кинематографических репрезентациях Афганской войны, так и в публичной реакции на фильмы

Два этих фильма, несмотря на существенно различающуюся стилистику и набор символических ролей у персонажей, объединяет общая установка, заяв-

ленная их создателями – опора на реальные события и стремление показать «настоящую» войну.

Фильм «Девятая рота» вышел на экраны в 2005 году, после долгого перерыва вернувшись к тематике Афганской войны и предложив новый вариант ее прочтения, по крайней мере с точки зрения символических ролей главных персонажей. Наряду с сохраняющимися элементами «непарадной войны» – неуставные отношения и элементы коррупции в воинской части – фильм Бондарчука сосредоточил основное внимание зрителя на обороне высоты, причем, в отличие от фильмов 90-х годов, само участие в этом бою приобретает моральную оправданность, поскольку высота служит прикрытием для уходящих из Афганистана советских войск. Таким образом, и гибель главных героев приобретает совсем иное символическое значение – это не случайные жертвы напрасной войны, а герои, которые погибают не ради абстрактных политических целей, а ради конкретных солдат, мечтающих вернуться домой.

По своей стилистике и сюжетной развязке фильм «Девятая рота» (кстати, как и другой военный фильм Ф. Бондарчука «Сталинград») близок к стандартам советского военного кинематографа, в частности, трудно не увидеть параллель с фильмом Л. Быкова «Аты-баты, шли солдаты...» (1977). Эта стилистическая отсылка, а также героизация непосредственных участников войны в Афганистане, накладываемая на свежее восприятие конфликта в Чечне, способствовала позитивному восприятию этого фильма, в том числе и со стороны политической элиты. Прозвучавшая критика, в большей степени, касалась вопроса о заявленной достоверности описываемых событий – бой на высоте 3234 происходил в 1988 году, а не в 1989 году, как показано в фильме; кроме того, существенно отличалось количество потерь, поскольку в настоящем бою погибло лишь 6 человек из состава роты. Вместе с тем, даже критики отмечали важность обращения к демонстрируемым в фильме событиям именно в контексте их переосмысления и включения в трансформирующийся исторический нарратив.

На фоне политического и кассового успеха фильма «Девятая рота» показательными выглядят те дискуссии, которыми было встречено появление в 2019 году фильма П. Лунгина «Братство».

Нарочитое обращение П. Лунгина к образу «первого, основанного на реальных событиях фильма об Афганской войне» стало предметом для ироничного троллинга со стороны многих блогеров, среди которых стоит, в первую очередь, упомянуть Евгения Баженова (BadComedian), посвятившего разбору фильма один из своих роликов. Тем показательнее выглядят открытые параллели сюжетных ходов с фильмом «Афганский синдром» (фигура афганского мальчика, штурм кишлака и т.д.), а также приписывание главным героям тех символических ролей, которые были вполне закономерны для кинематографических образов 90-х годов. Действия солдат показаны как нарочито «чернушные», в их мотивации отсутствует обращение к некой

универсальной идее или к моральным ценностям солидарности и взаимопомощи, в силу чего само название фильма приобретает достаточно ироническое звучание. Точнее говоря, моральное обоснование у поступков героев есть, но каждый раз оно приобретает искаженное значение, приводя только к негативным последствиям: любовь генерала к сыну оборачивается безжалостным расстрелом кишлака, любовь к родным у солдат оборачивается мародерством и т.д. Лунгин, по сути, показывает, как бессмысленная и неоправданная война переворачивает все привычные нормы, подчиняя их своей логике и лишая всех участников ценностных установок, кроме совсем простых, вроде стремления к выживанию.

Вместе с тем, ничего принципиально нового по сравнению с кинематографическими образами 90-х годов Лунгин так и не демонстрирует. Все негативные аспекты армейского быта были уже достаточно подробно описаны и визуализированы в «Афганском изломе», а также в целом ряде других художественных и документальных фильмов. Важнее оказывается то, что участники войны, не понимающие смысла происходящего и гибнущие не в героической обстановке, а от достаточно случайных поступков других персонажей, являются лишь невольными жертвами этого конфликта. Жертвенность как компромиссный вариант культуры отмены, приемлемый для символической культуры 90-х годов, оказывается неприемлемой для новых мнемонических ориентиров, актуализирующих советскую модель героизации участников любых военных конфликтов.

Не удивительно, что «выпадение» фильма из героизирующего символического контекста стало основанием многочисленной критики уже на основании предпремьерных показов. Резкой критикой – и с точки зрения фактологии, и с точки зрения идеологической неправильности – отметились как представители Государственной Думы и Совета Федерации, так и ряд негосударственных мнемонических акторов (канал «Царьград»). Еще символичнее, что планируемая режиссером дата премьеры (9 мая 2019 года) была сознательно, по настоятельной просьбе министра культуры В. Р. Мединского, сдвинута на 10 мая, чтобы исключить возникновение символических связей с Великой Отечественной войной. Резкость неприятия фильма в публичном пространстве (хотя стоит отметить, что профессиональная киножурналистика была настроена по отношению к нему более позитивно) продемонстрировала не просто ситуативное «непопадание в контекст», а сдвиг самих мемориальных моделей в сторону вписывания Афганской войны в более универсальный исторический нарратив. «Канселлинг» этого конфликта, как можно констатировать на данный момент, завершился отказом от морально-этической негативизации и стремлением реабилитировать событие в контексте новых векторов внешнеполитической повестки.

Заключение

Можно выделить особенности реализации практик культуры отмены по отношению к образу Афганской войны в коллективной памяти. Подобные практики были связаны, во-первых, с коренными политико-идеологическими сдвигами, во-вторых, заполняли собой лакуны памяти и фигуры умолчания. При этом подобные практики никогда не занимали доминирующего положения, поскольку почти сразу столкнулись с оппозицией «на местах» в виде локальных и региональных коммеморативных практик со стороны гражданского общества, самих ветеранских организаций. Также необходимо отметить их относительную кратковременность, поскольку, помимо очевидной слабости государства как мнемонического актора в те годы, достаточно быстро сформировался государственный и общественный запрос на патриотическую повестку.

Н. В. Самутина в 2007 году констатировала существенное сходство между зарубежным и отечественным кинематографом: «В обоих случаях на уровне идеологической задачи есть необходимость в конструировании новой культурной идентичности; в обоих случаях она связана с потребностью конституировать неконфликтное, не «тянущее назад» прошлое. В обоих случаях в процессе работы с этим прошлым идет отталкивание от открытой политической идеологии, исключение «большого идеологического комплекса», и связанного с ним травматичного Большого повествования. Для Европы этим «идеологически опасным Другим» служит История, для России – советское государство» (Самутина, 2007, с. 44). Эволюция медиа-образов Афганской войны позволяет утверждать, что конструирование и переживание этого образа «Другого» с сопутствующей ему культурой отмены оказывается весьма ситуативным политическим и культурным явлением, сменяясь поиском путей возвращения «исключенного прошлого». В итоге современная концепция политики памяти об Афганской войне идёт не по пути отмены, а, скорее, по пути реконтекстуализации мемориальных образов в условиях новых культурных и политических моделей.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Список литературы

- Bull, A. C., & Hansen, H. L. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4), 390–404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>
- Clark, M. (2020). Drag Them: A brief etymology of so-called “cancel culture”. *Communication and the Public*, 5(3–4), 88–92. <https://doi.org/10.1177/2057047320961562>

- Connerton, P. (2009). *How Modernity Forgets*. Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511627187>
- Danilova, N. (2015). *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*. Palgrave Macmillan.
<https://doi.org/10.1057/9781137395719>
- Finkelstein, N. X. (2023). *I'll Burn That Bridge When I Get to It: Heretical Thoughts on Identity Politics, Cancel Culture, and Academic Freedom*. Sublation Press.
- McGrady, C. (2021, April 6). The strange journey of 'cancel,' from a Black-culture punchline to a White-grievance watchword. *Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/lifestyle/cancel-culture-background-black-culture-white-grievance/2021/04/01/2e42e4fe-8b24-11eb-aff6-4f720ca2d479_story.html
- Mishan, L. (2020, December 3). The Long and Tortured History of Cancel Culture. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/12/03/t-magazine/cancel-culture-history.html>
- Ng, E. (2022). *Cancel Culture: A Critical Analysis*. Springer International Publishing.
<https://doi.org/10.1007/978-3-030-97374-2>
- Norris, P. (2020). Closed Minds? Is a 'Cancel Culture' Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3671026>
- Olusoga, D. (2021, January 3). 'Cancel culture' is not the preserve of the left. Just ask our historians. *The Observer*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jan/03/cancel-culture-is-not-the-preserve-of-the-left-just-ask-our-historians>
- Reddy, V., & Andrews, D. (2021). Cancel Culture: Shrinking or Remaking Narratives? (2022). *Transformation: Critical Perspectives on Southern Africa*, 106(1), 130–132.
<https://doi.org/10.1353/trn.2021.0026>
- Ricœur, P. (2004). *Memory, History, Forgetting*. University of Chicago Press.
<https://doi.org/10.7208/chicago/9780226713465.001.0001>
- Velasco, J. C. (2020). You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 12(5). <https://doi.org/10.21659/rupkatha.v12n5.riocls21n2>
- Ассман, А. (2016). Новое недовольство мемориальной культурой. Новое литературное обозрение.
- Батищев, Р. Ю. (2021a). Теоретико-методологические аспекты рассмотрения памяти о войнах в основных моделях политики памяти. *Вопросы политологии*, 11(12), 3420–2428.
<https://doi.org/10.35775/PSI.2021.76.12.001>
- Батищев, Р. Ю. (2021b). Теоретико-методологические подходы к изучению памяти о войнах в современных memory studies. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 3, 48–68.
- Данилова, Н. Ю. (2005). Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы). В *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа* (с. 263–280). Новое литературное обозрение.
- Кинсбургский, А. В., & Топалов, М. Н. (1992). Реабилитация участников афганской войны в общественном мнении. *Социологические исследования*, 1, 104–117.
- Пахалюк, К. А. (2017). Глобальная культура памяти: Истоки и перспективы. *Историческая экспертиза*, 2, 17–25.
- Рабуш, Т. (2022). Образы военнослужащих-«афганцев» в общественном сознании и государственной пропаганде СССР и России: От героев к мученикам. *Государство, религия,*

церковь в России и за рубежом, 40(1), 89–118. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-89-118>

Рождественская, Е. Ю., & Тартаковская, И. Н. (2011). Пространство памяти в «Афганском» музее: Попытки договориться с прошлым. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 5(6), 103–117.

Самутина, Н. В. (2007). *Идеология ностальгии: Проблема прошлого в современном европейском кино*. ГУ ВШЭ.

Сафранчук, И., Казанцев, А., & Махмудов, Р. (2020). Патриотический вектор в ретроспективных оценках Афганской войны. *Quaestio Rossica*, 8(2), 399–414. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.470>

Сивов, А. Н. (2018). Формирование и эволюция оценочных суждений средств массовой информации в отношении участия СССР и России в локальных конфликтах (на примере Афганистана в 1979–1989 гг. *Universum: Общественные науки*, 1–2, 12–15.

Чугров, С. (2022). Культура отмены в мировой политике: Историко-философские корни. *Полис. Политические исследования*, 5, 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>

References

Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy*. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).

Batishchev, R. Yu. (2021a). Theoretical and Methodological Aspects of the Analyzing of War Memory in the Main Modes of the Politics of Memory. *Political Science Issues*, 11(12), 3420–2428. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.76.12.001> (In Russian).

Batishchev, R. Yu. (2021b). Theoretical and Methodological Approaches to the Analysis of War Memory in Modern Memory Studies. *The journal Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 3, 48–68. (In Russian).

Bull, A. C., & Hansen, H. L. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4), 390–404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>

Chugrov, S. (2022). Cancel Culture in World Politics: Historical and Philosophical Roots. *Polis. Political Studies*, 5, 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07> (In Russian).

Clark, M. (2020). Drag Them: A brief etymology of so-called “cancel culture”. *Communication and the Public*, 5(3–4), 88–92. <https://doi.org/10.1177/2057047320961562>

Connerton, P. (2009). *How Modernity Forgets*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511627187>

Danilova, N. (2015). *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137395719>

Danilova, N. Yu. (2005). Memorial'naya versiya Afganskoy voyny (1979–1989 gody). In *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* (pp. 263–280). *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).

Finkelstein, N. X. (2023). *I'll Burn That Bridge When I Get to It: Heretical Thoughts on Identity Politics, Cancel Culture, and Academic Freedom*. Sublation Press.

- Kinsburskiy, A. V., & Topalov, M. N. (1992). Reabilitatsiya uchastnikov afganskoy voyny v obshchestvennom mnenii. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1, 104–117. (In Russian).
- McGrady, C. (2021, April 6). The strange journey of ‘cancel,’ from a Black-culture punchline to a White-grievance watchword. *Washington Post*. https://www.washingtonpost.com/lifestyle/cancel-culture-background-black-culture-white-grievance/2021/04/01/2e42e4fe-8b24-11eb-aff6-4f720ca2d479_story.html
- Mishan, L. (2020, December 3). The Long and Tortured History of Cancel Culture. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2020/12/03/t-magazine/cancel-culture-history.html>
- Ng, E. (2022). *Cancel Culture: A Critical Analysis*. Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-97374-2>
- Norris, P. (2020). Closed Minds? Is a ‘Cancel Culture’ Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3671026>
- Olusoga, D. (2021, January 3). ‘Cancel culture’ is not the preserve of the left. Just ask our historians. *The Observer*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jan/03/cancel-culture-is-not-the-preserve-of-the-left-just-ask-our-historians>
- Pakhalyuk, K. A. (2017). The Global Culture of Memory: The Origins and Prospects. *Historical Expertise*, 2, 17–25. (In Russian).
- Rabush, T. (2022). Images of Soviet Warriors-Internationalists in Afghanistan in the Public Consciousness and State Propaganda in the USSR and in Russia: from Heroes to Martyrs. *State Religion and Church in Russia and Worldwide*, 40(1), 89–118. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-89-118> (In Russian).
- Reddy, V., & Andrews, D. (2021). Cancel Culture: Shrinking or Remaking Narratives? (2022). *Transformation: Critical Perspectives on Southern Africa*, 106(1), 130–132. <https://doi.org/10.1353/trn.2021.0026>
- Ricœur, P. (2004). *Memory, History, Forgetting*. University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226713465.001.0001>
- Rozhdestvenskaya, E. Yu., & Tartakovskaya, I. N. (2011). Prostranstvo pamyati v “Afganskom” muzee: Popytki dogovorit'sya s proshlym. *Inter*, 5(6), 103–117. (In Russian).
- Safranchuk, I., Kazantsev, A., & Makhmudov, R. (2020). Patriotic Interpretation in the Retrospective Assessment of the War in Afghanistan. *Quaestio Rossica*, 8(2). <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.470> (In Russian).
- Samutina, N. V. (2007). *Ideologiya nostalgii: Problema proshlogo v sovremennom evropeyskom kino*. GU VShE. (In Russian).
- Sivov, A. N. (2018). Formation and Evolution of Evaluative Judgments of the Mass Media Regarding the Participation of the USSR and Russia in Local Conflicts (in the Example of Afghanistan in 1979–1989). *Universum: Social Sciences*, 1–2, 12–15. (In Russian).
- Velasco, J. C. (2020). You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purgings. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 12(5). <https://doi.org/10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2>